

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ НА ПРОЦЕССЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

© 2022 г. А. К. Каграманов

Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: gg.azaro@gmail.com

Поступила в редакцию 27.05.2021 г.

Аннотация. В статье проведен анализ политико-правовых методов различных государств, применяемых для развития языкового многообразия национальных меньшинств и языковых групп в многонациональных государствах. В работе рассматриваются проблемы на опыте различных государств (Россия, Индия, Швейцария, Испания, Канада и др.) о влиянии языковой политики на единство и целостность государств либо пренебрежение этой политикой, что ведет в итоге к сепаратистским и центробежным тенденциям. Цель исследования — продемонстрировать целесообразность выстраивания политическими властями политики уважения языкового многообразия народов, населяющих те или иные страны. На основе проведенного исследования автор формулирует вывод о том, что уважение и защита языкового многообразия является одним из ключевых элементов в проблеме самоопределения народов.

Ключевые слова: международное право, принципы международного права, право на самоопределение, территориальная целостность, нерушимость границ, права человека, языковое многообразие, федерализм, унитарное государство, национальные меньшинства, коренные народы, разрешение конфликтов, формы государственного устройства.

Цитирование: Каграманов А.К. Влияние языкового многообразия на процессы самоопределения и укрепления государственности // Государство и право. 2022. № 11. С. 182–186.

DOI: 10.31857/S102694520015247-2

THE IMPACT OF LINGUISTIC DIVERSITY ON THE PROCESSES OF SELF-DETERMINATION AND STATEHOOD

© 2022 A. K. Kagramanov

Kutafin University (MSAL)

E-mail: gg.azaro@gmail.com

Received 27.05.2021

Abstract. This article analyses the legal methods used by various States to promote the linguistic diversity of national minorities and linguistic groups. The paper examines the experiences of some States (Russia, India, Switzerland, Spain, Canada, etc.) on the impact of language policies on the unity and integrity of States or the neglect of those policies, leading to secessionist and centrifugal tendencies. The aim of the study is to show that it is appropriate for the political authorities to establish a policy of respect for the linguistic diversity of the peoples of the countries concerned. On the basis of the study, the author concludes that respect for and protection of linguistic diversity is a key element in the issue of self-determination of peoples.

Key words: International Law, principles of International Law, right to self-determination, territorial integrity, inviolability of borders, human rights, linguistic diversity, federalism, unitary State, national minorities, indigenous peoples, conflict resolution, forms of government.

For citation: Kagramanov, A.K. (2022). The impact of linguistic diversity on the processes of self-determination and statehood // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 182–186.

Далеко не последнюю роль в восприятии тем или иным народом, не представляющим титульную нацию, своего положения в обществе играет отношение государственных структур к таким гуманитарным составляющим, как нравы и традиции, язык, обычаи соответствующего народа, к тому, что формирует в конечном счете его «психический склад». Многие народы к числу своих достоинств относят радушие, гостеприимство, доброжелательность, способность сочувствовать, сопереживать, не претендуя при этом на некую избранность или превосходство над другими. Отдельным этносам вместе с тем присущи свои священные с вековыми традициями, обрядами и устоями особенности и черты, выделяющие их из других кровно-социальных групп. Особенно большую специфику сохранили народы латиноамериканского и африканского континентов, Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа. Аталычество, например, — обряд воспитания мальчиков вне родительской семьи, широко распространенный в прошлом у черкесов, войнахов, абхазов, балкарцев, осетин, не утрачен в полной мере и в наши дни.

Национальный код формируется и сохраняется во многом культурой в ее самых широких проявлениях — образовании, науке, литературе и искусстве. Решающую роль при этом играет родной (доминирующий) язык, выступающий решающим фактором объединения этносов в народ, роста его национального самосознания, укрепления идентичности. И в этом смысле язык подчас шире любой идеологии и конфессиональной принадлежности. По официальным данным, из 193 языков народов России 14 после 1990 г. исчезли, 10 переживают кризис невостребованности, 18 находятся на грани вымирания. С целью поддержать интерес к родной речи и сохранить языковое разнообразие в 2018 г. был создан Фонд родных языков, при котором организована работа соответствующего института их поддержки и развития. Издаются учебники, формируется соответствующая разговорная среда за счет телевидения и блогосферы, фестивалей и воскресных школ¹.

Проблема широкого и беспрепятственного использования родного языка этническими группами является одним из ключевых моментов в оценке состояния национальных отношений в государстве и важнейшим элементом в решении вопросов национального самоопределения. Важно, что такой подход, берущий начало в «хельсинском процессе», завершившемся принятием Заключительного акта СБСЕ в 1975 г., находит последовательное отражение в практической деятельности структур ОБСЕ, занятых вопросами «человеческого измерения».

Показательно, что миссия ОБСЕ, учрежденная в 1993 г. в Республике Молдова, с самого начала своей деятельности в качестве одной из причин Приднестровского конфликта рассматривала Закон о применении языков на территории Молдавии от 30 августа 1989 г. В соответствующей памятной записке говорилось о необходимости пересмотра Закона в целом, как противоречащего большинству основных прав, положенных в основу всех развитых правовых систем. Закон, как отмечалось, «затрагивал де-факто интересы только русскоязычной части населения и являлся поэтому сомнительным с точки зрения равного обращения». Признавалось, что выполнение Закона было бы вредным, стимулировало русскоязычное население к выезду из страны и вело к дальнейшему ухудшению отношений между Молдовой и Приднестровьем. В итоге в Закон были внесены существенные

изменения, сыгравшие определенную роль в стабилизации положения в регионе². Таким образом, можно констатировать, что ограничение в использовании языка формирует стремление носителей языка к самоопределению вплоть до полного выхода из состава материнского государства.

Возникновение самой проблемы единого языка в Молдове берет начало в прозвучавшем в марте 1988 г. на съезде писателей СССР в Москве предложении придать государственный статус языкам титульных наций всех республик Советского Союза. Усмотрев в этом возможность получения этнических преференций, часть молдавской интеллигенции выступила с требованием признать идентичность молдавского и румынского языков и определить в качестве государственного молдавский язык, причем на основе латинской графики. Таким образом, как отмечалось в коллективном труде украинских ученых, «огосударствление» молдавского языка наряду с экстремистским давлением унионистов, выступающих за объединение Молдавии с Румынией, явилось основной причиной дезинтеграционных процессов в республике³.

Существенные ограничения в использовании русского языка стали одним из ключевых моментов в ущемлении прав человека в целом русскоговорящего населения в странах Балтии. Откровенно националистическая политика украинского руководства, предопределенная «майданом» 2014 г., также имеет своей стержневой основой наступление на русский язык, что стало одной из причин событий в Крыму и драматического военного противостояния на юго-востоке Украины. Вместе с тем язык может выступать средством сплочения нации, слияния многочисленных этносов, нацменьшинств и народностей в единую социальную общность — народ (СССР, Россия, США, Великобритания и многие другие государства). О том, насколько значимой может быть проблема родного языка (или ставшего таковым) как бытия культуры, одного из базовых элементов нации, убедительно свидетельствует опыт Канады. Официальное признание здесь двуязычия само по себе оказалось неспособным уберечь страну от сепаратистских устремлений провинции Квебек, хотя и служит на протяжении многих лет определенным социальным амортизатором. В соответствии с Законом 1969 г. об официальных языках в Канаде провозглашено равенство английского и французского языков во всех сферах федеральной юрисдикции: право обращаться в федеральные учреждения на любом из упомянутых языков; обязанность знать оба языка при поступлении на госслужбу; низкая доля франко-канадцев в госаппарате приводилась в соответствие с их долей в численности населения; внедрялись двуязычные торговые марки; вводились квоты на франкоязычные радио- и телепередачи⁴. И тем не менее, по мнению К.Ю. Барановского, сохранность французского языка признана квебекскими национальностями в качестве «индикатора живучести квебекского этноса, его неподатливости ассимиляционным процессам»⁵.

² См.: Цуканова О. В. Деятельность ОБСЕ в области молдово-приднестровского урегулирования // Пробелы в рос. законодательстве. 2011. № 3. С. 277.

³ Богданович В. Ю., Маначинский А. Я., Егоров Ю. В. и др. Конфликты и войны после распада СССР. Киев, 2007. С. 111.

⁴ См.: Белоусова Е. В. Государственно-правовое регулирование национальных отношений в Канаде // Правоведение. 1992. № 6.

⁵ Барановский К. Ю. Квебек после выборов: квебекский кризис на современном этапе. США: экономика, политика, идеология. 1995. № 1. С. 99.

¹ См.: Росс. газ. 2018. 19 нояб. С. 3.

Обострение квебекского вопроса в 60-е годы прошлого столетия было связано с требованием правительства Квебека наделить провинцию привилегированным «специальным статусом» не только во внутренней, но и в международной политике. Квебек начал претендовать на «особые отношения» с Францией и бывшими французскими колониями. Несмотря на официально установленное в стране двуязычие (положения Закона 1969 г. были подтверждены Конституционным актом 1982 г.), в провинции Квебек французский язык провозглашен как единственный официальный язык. Нельзя, разумеется, не учитывать при этом и того обстоятельства, что на территории Квебека проживает 25.3% всего населения Канады, причем из них франко-канадцы составляют 82.5%, а англо-канадцы лишь 12%⁶.

Как считает В.В. Тищенко, на территории Канады сложились две «нации» — англо-канадцы и франко-канадцы, а не просто этнические группы, обладающие культурными различиями. Соответственно, формулируется вывод о необходимости их официального признания и предоставления определенных прав, в том числе наличия механизма участия на политической арене⁷. И.Н. Ившина исходит из целесообразности придать «высшую юридическую силу» нормам, закрепляющим «перечень исключительных полномочий федерального центра и субъектов федерации; нормам федерального вторжения — в целях территориальной целостности государства и иные принципиальные моменты»⁸. Иногда подвергается сомнению и сам федеративный характер Канады, рассматриваемой в качестве «квазифедерации» — «как федеративной со значительными унитарными модификациями, и как унитарной с существенными федералистскими чертами» (К. Уайр)⁹.

Верховный суд Канады не раз обращался к вопросу о допустимости отделения Квебека, на чем в течение продолжительного времени настаивали сепаратисты, апеллируя при этом к самоопределению и приоритету международного права над национальным. Анализируя ситуацию, Суд выделил четыре основных конституционных принципа, имевших, по его мнению, непосредственное отношение к разрешению вопроса: федерализм, конституционализм, верховенство права и уважение прав меньшинств. По мнению Суда, ни один из этих принципов не может быть определен без учета других и не может блокировать или исключить действие любого из них¹⁰. На практике федеральный центр пытался разделить государственные цели на интересы национального и регионального уровней. В итоге Суд пришел к выводу, что суть современного канадского федерализма состоит в обеспечении баланса: если слишком много полномочий забирает центр — получается унитарное государство, а если регионы, то теряется сам смысл создания федерации.

В 1998 г. Верховным судом Канады было принято единое решение: любое одностороннее отделение

(сепессию) провинции считать противозаконным и несовместимым с Конституцией Канады¹¹. Решение высшего судебного органа страны не дало ответа на другие вопросы, связанные с самоопределением — о субъектах права на самоопределение и о возможных формах его реализации. Суд сконцентрировался именно на вопросах сепессии и роли государства в этом процессе, а другие возможные формы (территориальная и национально-культурная автономии) оказались вне его внимания.

Наиболее интересным в вопросах формирования языкового многообразия с точки зрения укрепления национального единства, представляет опыт Индии. Назвать точное количество этнических групп в этой стране затруднительно, поскольку в качестве первоосновы социальных коллективов здесь выступают, как правило, не этносы, а «этноконфессиональные альянсы с частотой хрупким межобщинным взаимодействием»¹². Как отмечает Н.А. Мочалов, «с этнолингвистической точки зрения территория Индии напоминает мозаику»¹³. Население страны говорит на 448 языках (имеющих в совокупности около 2000 наречий и диалектов). Самым же распространенным языком является хинди, на котором говорит только 41% населения.

В результате распада колониального мира, объявления независимости и освобождения Индии от юрисдикции Британской империи в 1947 г. ее устройство не учитывало языковое многообразие. Однако с 1956 г. в Индии действует лингвистический принцип формирования штатов, «в соответствии с которым в каждом штате большинство населения использует определенный язык или несколько языков»¹⁴. В соответствии с Конституцией Индии (ст. 345–350) штаты имеют право самостоятельно устанавливать один или несколько языков в качестве официальных, а граждане вправе использовать любой из существующих в конкретном штате языков в качестве языка официального (делового) общения. Однако лингвистический федерализм в Индии не предполагает форму самоопределения той или иной языковой группы и не является субъектом, обладающим управленческими функциями, а представляет собой лишь территорию, на которой компактно проживают соответствующие носители одного из языков. В большей степени «языковой федерализм» носит прагматический характер и имеет своей целью интеграцию всех носителей языков Индии в единое культурное пространство и избежание тенденций сепаратизма нехиндиязычных народов (тамилов)¹⁵ и центробежных явлений в виде сепессии и иных неблагоприятных последствий.

¹¹ См.: Сафонов В.Е., Миряшева Е.В. Решение Верховного суда Канады по вопросу сепессии провинции Квебек // Пробелы в рос. законодательстве. 2018. № 4. С. 113–117.

¹² Тишков В.А. Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филлипова. М., 2016. С. 11.

¹³ Мочалов А.Н. Территориальное устройство как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС) // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 3. С. 164.

¹⁴ Там же. С. 165.

¹⁵ См.: Chadda M. Minority Rights and Conflict Prevention: Case Study of Conflicts in Indian Jammu and Kashmir, Punjab and Nagaland. URL: <https://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-82-Minority-Rights-and-Conflict-Prevention-Case-Study-of-Conflicts-in-Indian-Jammu-and-Kashmir-Punjab-and-Nagaland.pdf> (дата обращения: 23.04.2021).

⁶ См.: Мелкумов А.А. Канадский федерализм: теория и практика. М., 1998. С. 143.

⁷ См.: Тищенко В.В. Территориально-государственное устройство Канады: Историко-правовой аспект // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 3.

⁸ Ившина И.Н. Становление и развитие канадского федерализма. Киров, 2007. С. 25.

⁹ См.: Современный буржуазный федерализм / отв. ред. И.М. Вайль, И.Д. Левин. М., 1978. С. 95.

¹⁰ См.: Boase J. Faces of Asymmetry: German and Canadian Federalism. Berlin, 2001. P. 104, 105.

Представляет определенный интерес опыт Швейцарской Конфедерации в укреплении государственности сквозь призму поддержки языкового многообразия. Как известно, от конфедерации в этом государстве осталось только название. В результате развернувшейся в 30–40-х годах XIX в. борьбы между федерально-клерикальными и буржуазными силами, завершившейся победой последних, на месте непрочного союза кантонов образовалось единое государство со всеми признаками федерации. Каждый из кантонов сохранил свои конституции, парламент и правительство. Однако законодательной властью обладает единый двухпалатный парламент — Федеральное собрание, состоящее из Национального совета и Совета кантонов, причем в законодательном процессе обе палаты равноправны. Формально главой государства является президент. Однако де-факто Президент Швейцарии не является полноценным главой государства, поскольку функции главы государства выполняют коллективно все члены Федерального совета. Этноязыковая специфика обеспечивается признанием государственными трех языков: немецкого, французского и итальянского. Небольшой части швейцарцев обеспечивается возможность пользоваться родным — ретороманским языком.

Использование курдского языка на конституционном уровне запрещено в Турции, ст. 42 (п. 8), в которой закреплено положение о том, что «никакой язык, кроме турецкого, не должен преподаваться в качестве родного языка турецким гражданам в любых образовательных учебных учреждениях». Это является нарушением пусть и имеющего теперь лишь историческое значение, Севрского договора 1920 г., подписанного после Первой мировой войны и распада Османской империи, исходившего из автономного существования курдов, равно как и Лозаннского договора того же времени, предусматривавшего создание необходимых условий для обучения детей «значительной части нетурецкого населения» на их родном языке. Применение курдского языка в качестве официального де-юре запрещено в Сирии. Существуют аналогичные проблемы в Ираке и Иране¹⁶.

В Испании, активно декларирующей языковое многообразие — предмет особого уважения и объект защиты, официальным языком провозглашен кастильский. Другие же языки в деятельности центральных учреждений не признаются, считаясь в то же время официальными в автономных сообществах согласно законодательству. При этом национальные движения каталонцев и басков упорно добиваются придания своим языкам статуса официальных.

Только в начале 90-х годов прошлого столетия во Франции был разрешен корсиканский язык для применения на уровне местного самоуправления.

В соответствии с Законом Финляндии «О языках» (2004 г.) государственными языками являются финский и шведский, что дает возможность гражданам общаться с государственными службами на одном из этих языков. Небезынтересно при этом, что на финском как на родном говорит 91% населения, а на шведском всего лишь 5%. От Правительства страны закон требует обеспечения защиты «лингвистической культурной традиции государства» и содействия обоим национальным языкам.

Как можно видеть, практика государств, отличающихся языковым многообразием далеко не однозначна. Но так или иначе, на официальном или не официальных

уровнях практически повсеместно родной язык рассматривается как один из системообразующих элементов нации и фактор, играющий заметную роль в решении вопросов самоопределения.

В контексте изменений в Конституцию РФ, одобренных на всенародном голосовании 1 июля 2020 г. в части государственного «русского языка, как языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации», выглядят небесспорными, на наш взгляд, рассуждения В. И. Ленина о негативной роли при определенных обстоятельствах официального провозглашения того или иного языка в качестве государственного. Аргументируя свою позицию по этому вопросу, он образно и в высшей степени доходчиво писал: «Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о “культуре” вы ни сказали бы, обязательный государственный язык связан с принуждением, вколачиванием <...> Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимопонимание и т.д. Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо: — отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках...»¹⁷. Показательно, на наш взгляд, что в соответствии с такими принципиальными установками ни в одной советской Конституции (Конституция РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924, 1936 и 1977 гг.) не было упоминания о государственном языке. И тем не менее именно русский язык как «способ бытия» в силу огромной притягательной силы, основанной на объединительных информационно-культурной и духовно-ценностных составляющих, стал одним из главных рычагов сплочения многочисленных этносов, возникновения новой исторической общности людей — советского народа. Многие этносы, проживавшие на территории СССР, до XX в. (в рамках Российской Империи) не имели письменности. Овладение ею позволило им приобщиться к достижениям мировой культуры, укреплению языкового многообразия, формированию своего мироощущения, осознанию собственной идентичности.

Отношение к языкам народов, населяющих Российскую Федерацию, служит во многом краеугольным камнем национальной политики, далеко не в последней степени, основывающейся на языковом балансе. И есть глубокий смысл в том, что в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹⁸ в числе одного из приоритетов социально-экономического развития называются государственная поддержка и защита культуры и языков народов многонациональной Российской Федерации. Сохранение родного языка в значительной степени обеспечивает стабильность этноса, традиционных укладов бытия, семейных ценностей.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. Сентябрь 1913 — март 1914. С. 293–295.

¹⁸ Утверждена Указом Президента РФ № 1666 от 19.12.2021 г. (см.: СЗ РФ. 2012. № 52, ст. 7477).

¹⁶ См.: Мутагиров Д. З. Что и кто мешает курдскому народу реализовать свое право на самоопределение // Политэкс. 2020. Т. 16. № 2. С. 294. 295.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барановский К. Ю. Квебек после выборов: квебекский кризис на современном этапе. США: экономика, политика, идеология. 1995. № 1. С. 99.
2. Белоусова Е. В. Государственно-правовое регулирование национальных отношений в Канаде // Правоведение. 1992. № 6.
3. Богданович В. Ю., Маначинский А. Я., Егоров Ю. В. и др. Конфликты и войны после распада СССР. Киев, 2007. С. 111.
4. Ившина И. Н. Становление и развитие канадского федерализма. Киров, 2007. С. 25.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. Сентябрь 1913 – март 1914. С. 293–295.
6. Мелкумов А. А. Канадский федерализм: теория и практика. М., 1998. С. 143.
7. Мочалов А. Н. Территориальное устройство как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС) // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 3. С. 164, 165.
8. Мутагиров Д. З. Что и кто мешает курдскому народу реализовать свое право на самоопределение. // Политэкс. 2020. Т. 16. № 2. С. 294, 295.
9. Сафонов В. Е., Миряшева Е. В. Решение Верховного суда Канады по вопросу сепарации провинции Квебек // Пробелы в рос. законодательстве. 2018. № 4. С. 113–117.
10. Современный буржуазный федерализм / отв. ред. И. М. Вайль, И. Д. Левин. М., 1978. С. 95.
11. Тишков В. А. Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М., 2016. С. 11.
12. Тищенко В. В. Территориально-государственное устройство Канады: Историко-правовой аспект // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 3.
13. Цуканова О. В. Деятельность ОБСЕ в области молдово-приднестровского урегулирования // Пробелы в рос. законодательстве. 2011. № 3. С. 277.
14. Boase J. Faces of Asymmetry: German and Canadian Federalism. Berlin, 2001. P. 104, 105.
15. Chadda M. Minority Rights and Conflict Prevention: Case Study of Conflicts in Indian Jammu and Kashmir, Punjab and Nagaland. URL: <https://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-82-Minority-Rights-and-Conflict-Prevention-Case-Study-of-Conflicts-in-Indian-Jammu-and-Kashmir-Punjab-and-Nagaland.pdf> (дата обращения: 23.04.2021).

REFERENCES

1. Baranovsky K. Yu. Quebec after the elections: the Quebec crisis at the present stage. USA: economics, politics, ideology. 1995. No. 1. P. 99 (in Russ.).
2. Belousova E. V. State-legal regulation of national relations in Canada // Pravovedenie. 1992. No. 6 (in Russ.).
3. Bogdanovich V. Yu., Manachinsky A. Ya., Egorov Yu. V. et al. Conflicts and wars after the collapse of the USSR. Kiev, 2007. P. 111 (in Russ.).
4. Ivshina I. N. Formation and development of Canadian federalism. Kirov, 2007. P. 25 (in Russ.).
5. Lenin V. I. The complete works. Vol. 24. September 1913 – March 1914. P. 293–295 (in Russ.).
6. Melkumov A. A. Canadian federalism: theory and practice. M., 1998. P. 143 (in Russ.).
7. Mochalov A. N. Territorial structure as a way of managing ethnic diversity (constitutional and legal regulation in the BRICS countries) // Law. HSE Journal. 2017. No. 3. P. 164, 165 (in Russ.).
8. Mutagirov D. Z. What and who prevents the Kurdish people from exercising their right to self-determination. // Politex. 2020. Vol. 16. No. 2. P. 294, 295 (in Russ.).
9. Safonov V. E., Miryasheva E. V. The decision of the Supreme Court of Canada on the secession of the province of Quebec // Gaps in Russ. legislation. 2018. No. 4. P. 113–117 (in Russ.).
10. Modern bourgeois federalism / ed. by I. M. Weil, I. D. Levin. M., 1978. P. 95 (in Russ.).
11. Tishkov V. A. Complicating diversity: how to understand and organize it // Cultural complexity of modern nations / res. eds V. A. Tishkov, E. I. Fillipova. M., 2016. P. 11 (in Russ.).
12. Tishchenko V. V. Territorial and state structure of Canada: Historical and legal aspect // Herald of Tatishchev Volzhsky University. 2019. Vol. 1. No. 3 (in Russ.).
13. Tsukanova O. V. OSCE activities in the field of Moldova-Transnistria settlement // Gaps in Russ. legislation. 2011. No. 3. P. 277 (in Russ.).
14. Boase J. Faces of Asymmetry: German and Canadian Federalism. Berlin, 2001. P. 104, 105.
15. Chadda M. Minority Rights and Conflict Prevention: Case Study of Conflicts in Indian Jammu and Kashmir, Punjab and Nagaland. URL: <https://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-82-Minority-Rights-and-Conflict-Prevention-Case-Study-of-Conflicts-in-Indian-Jammu-and-Kashmir-Punjab-and-Nagaland.pdf> (accessed: 23.04.2021).

Сведения об авторе

КАГРАМАНОВ Азер Каграман оглы —
кандидат юридических наук,
Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

KAGRAMANOV Azer K. оглы —
PhD in Law, Kutafin University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia